

Он открыл дверь во внутренний двор и увидел Мин Е, одетого в свободную серо-голубую даосскую мантию, с деревянной шпилькой в волосах. Его лицо было холодным, и он выглядел более даосом, чем настоящие даосы.

Только его действия не совсем соответствовали статусу даоса. Вокруг него горели несколько ламп, а он под их светом точил саблю.

Мин Е, будучи дворцовым охранником, имел лишь один выходной в месяц и часто не мог появляться в своем официальном статусе, поэтому они встречались в этом храме.

Чжоу Чжаоцин не церемонился, сел на стул с другой стороны и спросил:

— Господин, что за срочное дело?

Мин Е, опустив глаза, провел пальцами по точильному камню. Лезвие было холодным, он спросил:

— Разве ты не говорил, что расследуешь дело о господине Сюе? Расскажи.

Чжоу Чжаоцин подумал, что случилось что-то серьезное, выпрямился, но вдруг расслабился:

— А, Сюй Яо. Он словно решето, всё просачивается. Не пришлось особо стараться, чтобы всё выяснить.

— После прибытия в столицу он сначала снял двухэтажный дом, потом решил, что это не годится, и купил старый дом у заместителя министра судебных дел четвертого ранга. Затем нанял двух слуг, четырех служанок и пять-шесть горничных, видимо, собирался устроить жизнь. Из четырех служанок одна была из семьи Цинь, другая, вероятно, человек императора, а двое слуг неизвестно чьи, но у них тоже есть свои связи...

Мин Е, не поднимая головы, прервал его:

— Говори что-то полезное.

Чжоу Чжаоцин глубоко вздохнул. Мин Е редко задавал такие конкретные вопросы, он хотел показать свою старательность. Но остальное пришлось оставить:

— Он ежедневно бывает в запретном городе, а после возвращения домой хотя бы понимал, что нельзя вести себя как на улице, где его окружают чиновники, но в своем доме он всё равно несёт всякую чушь.

— Ну, в основном говорил о вдовствующей императрице и принцессе. Говорил, что вдовствующая императрица очень добра к нему, хвалила его, считая подходящим женихом. А принцесса, мол, красива как фея, кротка и добра, слушается его и ждет свадьбы.

Мин Е молча слушал.

Он продолжал точить старую саблю, которую использовал до поступления во дворец. Это была обычная сабля, на рукояти обмотана серая ткань, не похоже, что это какое-то легендарное оружие. Единственное её достоинство — она была легкой и острой, с глубокими желобками для стока крови, способная убить с одного удара.

Чжоу Чжаоцин с удовлетворением заметил, что на этот раз всё прошло легко:

— Этот господин Сюй — дурак, а принцесса, о которой он говорит, тоже глупа, они действительно подходят друг другу...

Мин Е вдруг поднял глаза и пристально посмотрел на Чжоу Чжаоцина. Его лицо было бесстрастным, а глаза в свете лампы казались черными, не пропуская ни луча света.

Чжоу Чжаоцин почувствовал дрожь, в голове мелькали мысли, не совершил ли он какую-то ужасную ошибку.

Мин Е вдруг положил саблю, вытер руки платком и равнодушно сказал:

— Почему ты так много говоришь?

Чжоу Чжаоцин сделал жест, закрывая рот. Если он раздражает, то просто промолчит, зачем так пугать.

После того как его упрекнули за болтливость, Чжоу Чжаоцин решил говорить только о важном:

— Все слова и действия, связанные с господином Сюем, записаны, в следующий раз принесу вам для ознакомления. Однако его общение с принцессой остается загадкой, вам придется самим выяснить.

Но Мин Е, кажется, внезапно потерял интерес к Сюй Яо и просто кивнул.

Чжоу Чжаоцин никогда не мог понять, о чём думает Мин Е. Он казался равнодушным ко всему, не выражал предпочтений и не выказывал отвращения. Он выполнял поручения управляющего, однажды, когда управляющий был недоступен, он спас торговый дом Ваньлай от краха. Он мог бы вести дела, но не хотел.

Он был как незаметный, но чрезвычайно острый клинок.

Такой человек идеально подходил на роль господина, ведь он не поддавался эмоциям и не реагировал на внешние раздражители. Но с другой стороны, это было очень страшно.

Причина, по которой управляющий так доверял Мин Е, была проста — это было тайное снабдьё, которое нужно было принимать каждый месяц.

Чжоу Чжаоцин не знал, что это было, и не знал последствий отказа от приёма. Но он считал, что управляющий позволил ему знать об этом, чтобы внушить страх. Во всех планах Мин Е был ключевой фигурой, и его жизнь находилась в руках управляющего.

Чжоу Чжаоцин отбросил эти мысли и продолжил:

— Местоположение управляющего неизвестно, точных известий не поступало. Но только когда управляющий прибудет, можно будет двигаться дальше.

Торговый дом Ваньлай владел уникальным мастерством — созданием искусных масок из человеческой кожи, которые было трудно отличить от настоящих. Это было очень тонкое искусство, требующее тщательной проработки, сложное в изготовлении, и стоило оно целое состояние. На самом деле во всем торговом доме только управляющий умел их делать, поэтому, чтобы использовать личность господина Сюя, нужно было дожидаться его прибытия в столицу.

Мин Е прижал подушечку пальца к обуху сабли, лезвие в свете лампы блестело.

С виду было трудно заметить, насколько острым был этот клинок.

Мин Е вложил саблю в ножны, наклонил голову, взглянул на Чжоу Чжаоцина и спокойно сказал:

— Тогда подождём.

Закончив разговор, Чжоу Чжаоцин собрался уходить, когда вдруг услышал вопрос Мин Е:

— Помада готова?

Чжоу Чжаоцин на мгновение растерялся. В последнее время было столько дел — нужно было следить за Сюй Яо, поступали новости от управляющего, он лишь передал информацию мастеру своей парфюмерной лавки, но тот сказал, что это сложно, не придумал, как сделать, попробует позже.

Он с шутливым тоном ответил:

— Господин, зачем вам эта безделушка? Даже если вы хотите угодить какой-нибудь барышне, прошло слишком много времени. Лучше я принесу вам популярную помаду, чтобы вы могли подарить.

Мин Е взглянул на него.

Чжоу Чжаоцин понял, что его снова упрекнули за болтливость.

Мин Е нахмурился:

— Поторопись.

Он хотел подарить её Жун Цзяню перед отъездом.

Закончив разговор, Чжоу Чжаоцин встал и ушел.

Спускаясь с горы, он случайно встретил молодого даоса, поднимающегося по ступеням, он наконец вернулся в храм.

Чжоу Чжаоцин сказал:

— Молодой даос, вам повезло, вы вернулись до дождя.

И вздохнул:

— А я, наверное, попаду под дождь.

Молодой даос подвинул свою метёлку и спокойно сказал:

— Буря не длится весь день, ливень не идёт вечно. Господин, смотрите шире.

Храм Даосюань Тяньшань находился на вершине горы, сейчас было уже поздно, ночь была тёмной, на небе не было луны, казалось, тучи сгущались, и Чжоу Чжаоцин почувствовал необъяснимое огромное давление.

Надвигается буря, погода меняется.

*

В последующие дни Жун Цзянь часто посещал дворец Цынин.

Такие частые вызовы заметили все в дворце, но никто не говорил об этом вслух.

С древних времен борьба за трон никогда не была пустяком, вмешательство в неё могло привести к ссылке за тысячи миль или даже к уничтожению всей семьи.

Вдовствующая императрица осмелилась действовать первой из-за своего необычного статуса и авторитета. Она была вдовой покойного императора и имела заслуги перед государством. Когда она выходила замуж, у неё было четыре служанки, теперь осталась только момо Чэнь, остальные три вышли замуж за генералов, поднявших восстание, и теперь их потомки занимали высокие посты, контролируя армию.

По сравнению с семьей Сюй, вдовствующая императрица больше доверяла тем, кто долго её поддерживал.

Хотя она находилась в глубине дворца и не могла легко связываться с внешним миром, у неё действительно была такая уверенность.

Император не мог её тронуть.

Сегодня, после занятий, вдовствующая императрица снова вызвала принцессу для чтения сутр.

Жун Цзянь не говорил об этом открыто, но тетушка Чжоу, обладая хорошими связями, уже знала об этом и, помогая ему переодеться, с беспокойством спросила:

— Что задумала вдовствующая императрица?

Жун Цзянь сам распутал волосы из одежды, он уже прошел через первые эмоции и теперь был спокоен:

— Все ещё неопределенно, тетушка, не стоит слишком беспокоиться.

Тетушка Чжоу была в панике:

— Как ваше высочество может выйти замуж? Дождитесь совершеннолетия, дождитесь, пока вам исполнится двадцать... Нет, лучше сразу воспользоваться вашим планом, уйти в храм Защиты Государства на несколько лет.

Тетушка Чжоу уже готова была хвататься за любую соломинку. Или, возможно, она смогла выдержать такое огромное давление, обманывая императора, вдовствующую императрицу и всех чиновников, до сих пор не сломавшись, благодаря тому мастеру, который воскресил младенца при рождении Жун Цзяня.

Мастер сказал, что когда Жун Цзяню исполнится двадцать, он вернется к своему мужскому облику, и всё наладится.

А до двадцати лет ни в коем случае нельзя было раскрывать правду.

Мин Е: Не говори о нём.

Спасибо за чтение, в комментариях разыграем двадцать красных конвертов.

Извините, немного застрял, обновление задержалось!

Спокойной ночи!

<http://bllate.org/book/16310/1471485>